

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.352.3'367.634

ББК 81.602-2

А 92

Атажахова С.Т.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, e-mail: tatlok1970@mail.ru

Функциональная характеристика союза *ыкIи* «и» и союзного аффикса *и* в адыгейском языке (Рецензирована)

Аннотация:

Впервые сочинительный союз *и* рассматривается как актуализатор отношений тождеств на уровне минимальных контекстов с целью выявления условия функционирования союзов *-и* и *ыкIи* в адыгейском языке как соединительных и перечислительных в однородных рядах. Определяется зависимость выражаемых союзами значений от контекста, расширяются представления о функциях внешних сочинительных союзов в тексте и тем самым способствуют более подробному описанию их системы. Исследованию подверглись предложения из художественного текста, включающие в свой состав вышеуказанные союзы. Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что в работе уточняется семантический спектр рассматриваемого союза. Для достижения цели использовались следующие методы исследования: сплошной выборки, сравнительный, сопоставительный, а также стилистический анализ. Положения данного исследования способствуют дальнейшим научным изысканиям в области морфологии и синтаксиса адыгейского языка. Таким образом, необходимо отметить, что в художественном тексте повторяющиеся союзы участвуют в организации структурной и семантической соотнесенности предложений, указывая на прочную и надежную связь между ними.

Ключевые слова:

Соединительная роль, союзы, однородные члены, интонационное перечисление, сочинительная связь.

Atazhakhova S.T.

Candidate of Philology, Leading Researcher, Language Department, T.M. Kerashev Adyghea Republican Institute for Human Studies, e-mail: tatlok1970@mail.ru

Functional characteristics of the conjunction *yki* “and” and conjunctive affix *and* in the Adyghe language

Abstract:

For the first time, the coordinating conjunction *and* is examined as an actualizer of identity relations at the level of minimal contexts in order to identify the conditions for the functioning of conjunctions *and* and *yki* in the Adyghe language as coordinating and enumerating in homogeneous series. The author determines the dependence of values expressed by conjunctions on context, expands the ideas about the functions of external conjunctions in the text and thereby contribute to a more detailed description of their system. Sentences from the literary text, including the above conjunctions, were subjected to the study. The scientific novelty and theoretical significance of the study is that the work clarifies the semantic spectrum of the conjunction under consideration. To achieve the goal, the following methods of a research were used: continuous sampling, comparative and stylistic analyses. The provisions of this study contribute to further scientific research in the field of morphology and syntax of the Adyghe language. Thus, it should be noted that in the literary text, repeating conjunctions participate in organizing the structural and semantic correlation of sentences, pointing to a strong and reliable connection between them.

Keywords:

Connective role, conjunctions, homogeneous members, intonational enumeration, co-ordinating connection.

Специфика сочинительной связи в сложных структурах в языкознании на материале адыгейского языка наиболее обстоятельно рассмотрены в работах З.И. Керашевой, Х.Б. Даурова, У.С. Зекоха, Ю.А. Тхаркахо, М.Х. Шхапацевой, Ф.К. Ураковой, И.А. Читао, А.А. Хатхе и других. В русском языке данной проблематике посвящены труды А.М. Пешковского, В.А. Белошапковой, Н.С. Поспелова, Р.Ф. Гавриловой, Н.Н. Холодова, И.Н. Кручининой и др.

В лингвистике союзные слова в художественном тексте являются предметом постоянного и пристального внимания. Значительный интерес представляет рассмотрение особенностей функционирования союзов *и* и *ыкIи* в адыгейском языке.

Все тексты, как отмечают многие ученые, по характеру связи между предложениями разделены на цепные, параллельные и присоединительные связи. В рассматриваемом языке цепные связи в художественном тексте выражаются чаще всего: а) через лексический повтор; б) посредством союзов или союзных аффиксов.

В художественном тексте повторение союза перед каждой частью

создает в соединительном предложении ощущение усиленного перечисления, например: *Ащ фэдэ гухэлъ уиIэу садэжь укъызэрымыкIуаггэри, укъызэрымыкIоцтри сэшIэба* [1: 186]. «Я же знаю, что с таким намерением ты ко мне не пришёл и не придешь». Повторение второго аффикса при однородных членах, число которых может быть больше двух, указывает на открытость ряда: *КIо мыхъуцтымэ, хъуцтэп Iори, оц фэдэу мынэгушгъаплъыми, лъацэми, нэшгуми тэри зыгорэм ыуж тихъан* [1: 213]. «Если не подходим, скажи что не подходим, и мы, пусть не такую краснощекую, как ты, хоть хрошую, слепую – кого-нибудь себе присмотрим». Как видно из примера, однородные члены, соединенные с помощью повторяющегося союза *-и*, может возлагать на себя, не только соединительную, но и интонационно-перечислительную роль. Он, подчеркивая и выделяя то или иное слово, одновременно выполняет и функцию более тесного объединения составных частей сложносочиненного предложения. В таких предложениях ощущается большая ритмичность, поэтому они широко распространены в языке. Правда, стиль ограничивает ряд

однородных членов, поскольку сплошное перечисление большого количества однородных членов, объединенных однообразной связью, становится громоздким.

«Союзная частица *-и*, – как отмечает Керашева З.И., – может быть присоединена к субъекту и объекту как первого, так второго и следующих за ним компонентов сложного предложения, но большей частью она употребляется не в первом предложении, а в предложениях, следующих за ним» [2: 435]. Например, *ШхонлакIэр Iухи шым ыпигэ шIохидзагэ, шыри ац дэсамбыри IорышIэу чIыпIэм шычгыгэ* [1: 345]. «Он взял уздечку и закинул на шею коню, и конь, успокоившись, застыл на месте».

С введением союза *и* в русском языке в каждую часть изменяется порядок слов в частях. Так, если мы в исходной форме имеем предложение: *Подул ветерок, и стекла вода с крыш, и слышен весенний запах*, то типичным для предложения с нераспространенными частями будет иной порядок слов во второй части: *Подул ветерок, и вода стекла с крыш, и запах весенний слышен*. В адыгейском языке такого явления мы не наблюдаем.

Функциональному расширению рассматриваемого союза способствовало влияние русского языка, в котором при помощи союза *и* свободно осуществляется связь между однородными именами. Так, в предложении *Нэрыхгом ыкIи шгъафитныггэм яхьылIагэ* «О маске *и* свободе» – два однородных члена, выраженные именами существительными, связаны с помощью данного союза. Но для подобных конструкций более характерной и естественной является связь однородных имен посредством повторяющегося союза *-рэ*: *Нэрыхгомрэ шгъафитныггэмрэ яхьылIагэ*. Использование союза *ыкIи* для связи двух однородных членов, объединенных союзом *-рэ*, оказывается в данном случае избыточным.

Обращает на себя внимание тот факт, что соединительный союз *ыкIи*, как отмечает Зекох У.С., «может быть одиночным и повторяющимся» [3: 283]. Например: *Сыушгээфырэн, Асиет дахэ, Iуш ыкIи*. [4: 161]. «Не скрываю, Асиет и красива, и умна». В этом предложении союз следует за последним из однородных членов и вносит оттенок присоединения. *Дахэ ыкIи, Iуш ыкIи, ар кгэозггэIоцтэн, – кгэпсынкIагэ Сэфэр* [4: 163]. «И красива, и умна, не могу согласиться с тобою», – поторопился Сафер. В данном предложении союз *ыкIи* постпозитивно повторяется при каждом однородном члене. Такой вид построения предложения чаще всего характеризуется некоторой книжностью и искусственностью.

Следовательно, усилительная роль союзов *и* и *ыкIи* в адыгейском языке связана с логическим выделением некоторых слов и «притягиванием» их к усилительной частице.

Таким образом, в анализируемом художественном тексте мы наблюдаем, что сочинительный союз *-и* как бы соединяет предложение с предыдущим контекстом: *Заор кгэжьэнкIэ мэфэ заулэ нахь имыIэжьэу аужырэ письмэр Асхьад кгыIэкIэхьагэ. ГушIуаггьуи гукъауи зэхэтэу письмэм кгикIыггэх* [1: 17]. «За несколько дней до начала войны Асхад получил последнее письмо. Письмо было и радостным, и печальным». Связь между соединяемыми предложениями создаёт особые смысловые особенности, выражающиеся цепной связью. Здесь уместно высказывание Н.И. Формановской о том, что «Многokrатно повторенный союз *и* служит соединению разнообразных сведений в единство, сцепляет большую структуру, которая без такой скрепы могла бы «рассыпаться» [5: 201].

Тем не менее, предложения с повторяющимся союзом перед каждой частью или перед всеми, кроме первой, не встречаются в научных и официально-деловых текстах. Они

наиболее присущи художественной литературе, публицистике, а также эмоциональной разговорной речи, так как в силу своей ритмичности, особой мелодики, частого структурного параллелизма, оказываются экспрессивными, например: *Пыйми тыздеуагъ, нэпси зэдедгъэхыгъ, гушлуагъи къызэдэтлгъэгъужьыгъ* [1: 181]. «И с врагом мы вместе боролись, и слезы вместе пролили, и радость вместе увидели».

Повторяющийся союзный аффикс способствует определённому словопорядку в частях, притягивает к себе значимые компоненты высказывания. С точки зрения Ринберга В.Л., «не исключена возможность стилистически оправданного употребления начинательных союзов-повторов в языке классической и современной художественной, публицистической литературы. При этом повторение начинательных союзов гармонирует здесь с размером и ритмом стиха, а в прозе характеризует эмоционально-риторическую окрашенность и экспрессивность присоединительных конструкций» [6: 49].

Однако следует обратить внимание на то, что в однородно соподчиненных частях второй союз (и последующие) опустить нельзя. Это, на наш взгляд, прежде всего связано с союзами, которые по-разному управляются в каждой из придаточных частей, которые стоят в разной форме, и одна форма не может обслуживать последующие, например: *Зурэ инаспорти, члыпгу къызэрыкгырэри, а кгалэм клонэу фит зрашгырэ пропускыри къышти ритыгъэх* [1: 227]. «Он достал и паспорт Зуры, и пропуск, где указано место отбытия и, дающий разрешение ей въезжать в тот город, и отдал их». Здесь следует подчеркнуть, что повтор одинаковых союзов при последовательном подчинении служит средством связанности текста, его информативности, создает экспрессивно-эмоциональный тон.

В «Грамматике современно-русского литературного языка»

Н. Ю. Шведова, отмечается, что «сложносочиненные предложения открытой структуры образуются из неопределенного количества предикативных единиц, соединенных союзами или бессоюзно. Обязательной чертой такого предложения является однотипность частей: они имеют одинаковую целенаправленность (не вопросительность или вопросительность) и одинаковую модальность. Синтаксическая однотипность частей предполагает однотипность и их семантического наполнения, которая может проявляться в однородности их лексического состава: в повторениях, в лексической симметрии, наконец, в близости предметного содержания предложения в целом» [7: 656].

Итак, единство семантики, повторения, лексической симметрии – все это характерные признаки сочиненных открытых структур и в то же время – предпосылки для создания экспрессивных фигур. Две однородно построенные части сами по себе не образуют фигуры, если нет добавочных экспрессивных признаков – повтора, параллелизма или же союзного аффикса. Однако добавление уже третьей части актуализирует повтор и создает ощущение большей ритмомелодической и архитектурной гармонии. В этой связи уместно привести замечание А.В. Чичерина: «Как в архитектуре или живописи, ритм в основе образа и системы оказывается одним из наиболее тонких и точных двигателей смысловой энергии, смыкаясь с идеей особенно прочно» [8: 5].

И в русском, и в адыгейском языке грамматические значения, в которых реализуется однородность, построенная как открытый перечислительный ряд, допускает существенное его удлинение, причем, чем длиннее ряд, тем более выявленными и подчеркнутыми в нем могут оказаться признаки однородности. Содержательно это может быть такой отрезок текста, который представляет собой отдельный микротекст,

соединяющий нечто разрозненное в композиционное единство: *Бригадэм быракъыр тхъаматэм зэрэритыгъагъэри, тхъаматэм къыгуагъэри, ащ ыуж Къадыр ешхэ-ешзом и Гоф къызэрахилгъагъэри, ар зэкIэмэ зэрэзэдаштагъэри Нухъэ тынчэу къыри ГотыкIыжъыгъ [1: 329]. «Нух спокойно рассказал и о том, как начальник вручил бригаде флаг, и что он при этом сказал, и как после этого Кадыр на пиршестве поднял свою проблему, и как все его поддерживали». Их употребление в тексте облегчает установление логических связей, привносит в повествование ярко выраженную коннотативность.*

При этом следует указать, что «структурная соотнесенность предложений может также выражаться в их параллельном строении, когда предложения не сцепляются одно с другим, а сопоставляются (благодаря параллелизму конструкций)» [9: 35]. Художественные произведения, как особый стиль, отличаются значительным разнообразием в употреблении союзов и их частотностью. Сложносочиненному предложению, в котором части связаны союзом *и*, характерен параллелизм структуры обеих частей сложного предложения, при наличии лексически совпадающих элементов, но с отсутствием

во второй части сложного предложения какого-либо члена предложения, уже названного в первой. Особенно четко этот тип связи проявляется тогда, когда межфразовая связь подкреплена лексическими и синтаксическими средствами (лексический повтор либо употребление синонимичных выражений, синтаксический параллелизм и пр.): *Он уже начинал уходить от всех нас и прощался с каждым по очереди. И со мной в том числе. И с незнакомой девушкой.*

Однако следует подчеркнуть, сложные предложения с однородностью частей обладают определенными грамматическими признаками, основными смыслами и добавочными приращениями смыслов, определенной компоновкой элементов, служащей предпосылкой для фигур с повтором и фигур с параллелизмом, и, конечно же, особым ритмико-интонационным строением.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренный материал свидетельствует о том, что в художественном тексте повторяющие союзы участвуют в организации структурной и семантической соотнесенности предложений, указывая на прочную и надежную связь между ними.

Примечания:

1. Тлюстен Ю.И. Ожбанокovy (на адыг.яз.). Майкоп, 1973. 416 с.
2. Рogaвa Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. 463 с.
3. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. Майкоп, 2002. 511 с.
4. Кошубаев П. Гум пае гу аты. Майкоп, 1969. 255 с.
5. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. Москва, 1978. 240 с.
6. Ринберг В.Л. Древнерусские сложные конструкции и их современные параллели. Киев: КГПИ, 1975. 143 с.
7. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. Москва, 1970. 767 с.
8. Чичерин А.В. Ритм образа. Стилистические проблемы. Москва, 1973. 396 с.
9. Баранова А.Ю., Четверикова О.В. Текстобразующий потенциал обособленных членов предложения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2015. Вып. 3 (164). С. 31-38.

References:

1. Tlyusten Yu.I. The Ozhbanokovs (in the Adyghe language). Maikop, 1973. 416 pp.

2. Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammar of the Adyghe language. Krasnodar; Maikop, 1966. 463 pp.
3. Zekokh U.S. Adyghe grammar. Maikop, 2002. 511 pp.
4. Koshubaev P. A heart is given for a heart. Maikop, 1969. 255 pp.
5. Formanovskaya N.I. Stylistics of a complex sentence. Moscow, 1978. 240 pp.
6. Rinberg V.L. Old Russian complex structures and their modern parallels. Kiev: KGPI, 1975. 143 pp.
7. Shvedova N.Yu. Grammar of the modern Russian literary language. Moscow, 1970. 767 pp.
8. Chicherin A.V. Rhythm of the image. Stylistic problems. Moscow, 1973. 396 pp.
9. Baranova A.Yu., Chetverikova O.V. Text-forming potential of separate members of the sentence // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2015. Iss. 3 (164). P. 31-38.